

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 3. С. 137–163.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 3. P. 137–163.

Научная статья / Original article

УДК 23/28

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-3-137-163

ЗАВЕТ, МИССИЯ И ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ: О ТРЕХ ИЗМЕРЕНИЯХ ИДЕИ СВЯТОЙ РУСИ

Ван Шуай

Факультет русского языка и литературы
Института иностранных языков
Пекинского университета,
Пекин, Китай, wsnaja@pku.edu.cn

Аннотация. В статье рассматривается понятие «Святая Русь» в контексте религиозной мысли. На основе «Повести временных лет», «Галицко-Волынской летописи», «Новгородской первой летописи», литературных памятников «Слово о Законе и Благодати», «Слово о погибели Русской земли», «Задонщина», «Казанская история», а также религиозно-философских произведений XIX века и первой половины XX века автор статьи предполагает, что идея Святой Руси постоянно интерпретируется и обогащается в разные исторические периоды новыми концепциями, такими как «Русская земля», «Москва — Третий Рим», «Русская идея», «православное цивилизационное пространство». Идея Святой Руси в целом развивается в трех измерениях, которые воплощают в себе мессианство завета, мессианство миссии и Царство Небесное. 1) Центростремительное измерение — это измерение, подтверждающее самоидентичность через заключение и сохранение завета. В этом смысле Святая Русь,

с одной стороны, совпадает с понятием «Русская земля» в исторических документах X–XV веков, с другой же — перекликается с православным цивилизационным пространством в современное время. 2) В религиозном контексте измерение миссии проявляется как создание идеального христианского/православного мира. Концепция «Москва — Третий Рим» XVI века вначале выразила идеал Святой Руси, а религиозные философы XIX века и первой половины XX века с точки зрения богословия и философии углубили христианскую и всемирную составляющую в концепции «Третий Рим». 3) Трансцендентное измерение относится к конечному стремлению за пределы времени и истории — Царству Небесному. В этом измерении идея Святой Руси и Русская идея сходятся воедино.

Ключевые слова: Святая Русь, Русская земля, Москва — Третий Рим, Русская идея, православное цивилизационное пространство, Русский мир, мессианство

Ссылка для цитирования: Ван Шуай. Завет, миссия и Царство Небесное: о трех измерениях идеи Святой Руси // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 3. С. 137–163. doi:10.17323/2658-5413-2025-8-3-137-163.

Literature. Philosophy. Religion

TESTAMENT, MISSION AND THE KINGDOM OF HEAVEN: ON THE THREE DIMENSIONS OF THE IDEA OF HOLY RUS'

Wang Shuai

The Department of Russian Language and Literature,
School of Foreign Languages,
Peking University, Beijing, China,
wsnaja@pku.edu.cn

Abstract. The article explores the concept of “Holy Rus” in the context of religious thought. Based on sources such as *The Tale of Bygone Years*, *The Galician-Volynian Chronicle*, *The Novgorod First Chronicle*, and literary works, like *The Sermon on Law and Grace*, *The Tale of the Destruction of the Russian Land*, *Zadonshchina*, and *Kazan Story*, as well as religious and philosophical writings from the 19th century to the

mid-20th century, the author of the article concludes that the idea of Holy Rus' is constantly interpreted and enriched with new concepts in different historical periods, such as "Russian land," "Moscow — the Third Rome," "Russian idea," "Orthodox civilizational space." The idea of Holy Rus' generally develops in three dimensions, which embody "Messianism of the Testament," "Messianism of the Mission," and "Kingdom of Heaven." 1) The centripetal dimension refers to self-identity confirmation through the making and keeping of a covenant. In this sense, the idea of Holy Rus', on the one hand, coincides with the concept of "Russian land" in historical documents of the 10th–15th centuries, and on the other hand, echoes the Orthodox civilizational space in modern times. 2) In the religious context, the dimension of mission emphasizes the creation of an ideal Christian / Orthodox world. The concept of "Moscow — the Third Rome" of the 16th century initially expressed the ideal of Holy Rus', and religious philosophers of the 19th century and the first half of the 20th century, from the point of view of theology and philosophy, deepened the Christian and universal component in the concept of the "Third Rome". 3) The transcendent dimension refers to the ultimate aspiration beyond time and history — the Kingdom of Heaven. In this dimension, the idea of Holy Rus' and the Russian idea come together.

Keywords: Holy Rus', Russian Land, Moscow — the Third Rome, Russian Idea, Orthodox civilizational space, Russkiy Mir, Messianism

For citation: Wang, Shuai (2025) "Testament, Mission and the Kingdom of Heaven: On the Three Dimensions of the Idea of Holy Rus'," *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(3), pp. 137–163. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2025-8-3-137-163.

Святая Русь — это идеал, который сочетает в себе мессианство завета, мессианство миссии и Царство Небесное и существует на протяжении всей русской истории. С одной стороны, идея Святой Руси самоочевидна для русских и используется без объяснений в фольклоре, ранних исторических памятниках и памятниках литературы Древней Руси. С другой стороны, в контексте романтизма, а также после победы в Отечественной войне 1812 года фольклор, национальные традиции и национальная самобытность стали главными предметами дискуссий на протяжении всего XIX века и первой половины XX века. Идея Святой Руси актуализировалась в русских диаспорах, сформировавшихся в XX веке в различных странах. Многие мыслители исследовали эту идею с точки зрения лингвистики, истории, литературы и философии. Однако

в научных кругах нет единого мнения о том, когда появилась идея Святой Руси и как ее определить. В настоящей статье предпринята попытка проанализировать с религиозной точки зрения три измерения Святой Руси и три аспекта святости.

Русский религиозный мыслитель В. С. Соловьев (1853–1900) и русский церковный историк А. В. Карташев (1875–1960), рассуждая о национальности разных народов, высказали сходную мысль: Греция охотно величает себя великой, Англия — старой, Германия — ученой или лояльной, Франция — прекрасной или славной, а Россия — Святой Русью [Соловьев, 1989, т. 1, с. 309; Карташев, 1996, с. 135–136]. Если святость израильтян исходит из Библии (Исх. 19:6), то откуда святость России?

Историк А. В. Соловьев (1890–1971) был одним из первых ученых, исследовавших происхождение идеи Святой Руси. Он указывал в 1927 году, что первым, кто употребил выражение «Святая Русь», был А. М. Курбский (1528–1583). В его «Истории о делах великого князя Московского» (ок. 1573) появились «святотурское царство» и «святотурская империя» [Курбский, 2015, с. 120], а в своем письме Ивану Грозному в 1579 году он также использовал выражение «Святотурские земли» [Третье послание Курбского ... , 2001, т. 11, с. 86]. Однако А. В. Соловьев отметил, что «не Курбский создал эти выражения, а взял их как давно известное понятие из былин или обиходного языка» [Соловьев, 1927]. Профессор Йельского университета П. Бушкович проследил становление понятия «Святая Русь» в письменной литературе до богослова Максима Грека (1470–1556), который в 1552 году писал некоему Макробию и назвал Москву «градом “святейшей России”» [цит. по: Синицына, 2008, с. 12]. Хотя Максим использует здесь превосходную степень прилагательного «святий», эта форма считается самой ранней известной письменной версией «Святой Руси». Многие ученые (А. В. Карташев, В. В. Лепахин и др.) согласны с А. В. Соловьевым в том, что выражение «Святая Русь» появилось гораздо раньше в фольклоре [Карташев, 1996, с. 136], древнерусских былинах [Лепахин, 2005, ч. 1]. Таким образом, до того, как выражение «Святая Русь» было зафиксировано в письменной литературе, оно уже существовало в народном сознании. Ученые Д. Н. Стремоухов и Д. М. Шаховской указали, что идея Святой Руси была заложена в «Слове о Законе и Благодати» киевского митрополита Илариона (ок. 990–1054 или 1055) [Стремоухов, 2002, т. II, кн. 1, с. 425–441; Шаховской, 1995, с. 140–146]. Советский и российский лингвист В. Н. Топоров (1928–2005) считал, что истоки идеи Святой Руси следует искать в язычестве, и пришел к выводу, что уже языческие представления о святости (земли и др.) положили начало формированию этой идеи [Топоров, 1995, т. 1]. Как говорил советский литературовед Ю. М. Лотман (1922–1993), «история языка тяготеет к

анонимности и постепенности» [Лотман, 2000, с. 119]. Трудно определить точное время появления того или иного понятия или идеи, но, судя по известной древнерусской литературе, духовным стихам, записанным с XVII века, а также литературным и философским произведениям XIX века, можно утверждать, что идея Святой Руси издревле существовала в сознании русского народа.

В 2008 году Определение Архиерейского Собора Русской православной церкви (РПЦ) «О единстве Церкви» связало рождение Святой Руси с днепровским крещением. В частности, говорится так: «Святая Русь» является «Родиной для всех нас, нашим общим цивилизационным пространством» [Определение Освященного Архиерейского Собора ... , 2008]. С. В. Перевезенцев предлагает понимать Святую Русь как идеал — образ, в котором выражены все основные смыслы и целевые установки земного бытия русского народа, русского государства и Русской Церкви [Перевезенцев, 2001, с. 13]. Л. А. Тихомиров, В. В. Лепяхин, М. В. Дмитриев и др. считают, что идея Святой Руси — это форма русского национального самосознания и национальный дух [Тихомиров, 1998; Лепяхин, 2005, ч. 2; Дмитриев, 2008, с. 218–240]. С. С. Суслов, опираясь на ряд выступлений патриарха Кирилла, отмечает, что в Святую Русь входят такие аспекты, как ядро культурной идентичности, цивилизация, опора «Интертрадиционала» и др. [Суслов, 2013, № 2, с. 142–164]. Исходя из вышеперечисленных мнений, можно утверждать, что Святая Русь есть Родина, она неотделима от православной веры. В то же время при обсуждении культурной и национальной идентичности Святая Русь стала абстрактным духовным стремлением. Поэтому трудно дать простое и четкое определение Святой Руси. Как говорил С. С. Аверинцев (1937–2004), «Святая Русь — категория едва ли не космическая» [Аверинцев, 2005, с. 328]. По мнению автора, Святая Русь — это не неизменное и застывшее понятие, а динамично меняющаяся и постоянно обогащающаяся по мере развития истории России идея. Она всегда существует как Идеал, но в разные исторические периоды переплетается с некоторыми конкретными концептами, такими как «Русская земля», «Москва — Третий Рим», «Русская идея», «православное цивилизационное пространство» и т. д. В рамках религиозной мысли идея Святой Руси в основном включает в себя три измерения: центростремительное измерение, измерение миссии и трансцендентное измерение. Эти три измерения также объясняют категорию «святость» в трех аспектах.

Центростремительное измерение идеи Святой Руси

Центростремительное измерение — это измерение, устремленное внутрь и подтверждающее самоидентичность. Оно относится главным образом к пространству, общему для трех ветвей восточных славян на основе Крещения

Руси. В этом смысле Святая Русь не только совпадает с Русской землей в исторических документах X–XV веков, но и перекликается с православным цивилизационным пространством, как его понимает современная РПЦ. Однако в разных исторических условиях эти две концепции показывают свое предпочтение в подтверждении самоидентичности.

Подтверждение святости Земли: Святая Русь и Русская земля. В известных документах, сохранившихся до XVI века, нет четкого определения понятия «Святая Русь», но в X–XV веках существовало другое понятие, которое было почти синонимом «Святой Руси», — «Русская земля». Летописец Нестор (ок. 1056 — ок. 1114) в «Повести временных лет» (ок. 1110–1118) рассказывал, «откуда есть пошла Руская земля» и «откуда руская земля стала есть» [Повесть временных лет, 1997, т. 1, с. 62], что в 852 году она стала «прозывати Руская земля» [Повесть временных лет, 1997, т. 1, с. 72]. В других летописях, таких как «Галицко-Волынская летопись» (XIII в.), «Новгородская первая летопись» (XII — 1-я половина XV в.), а также в некоторых литературных произведениях, например «Слово о погибели Русской земли», «Задонщина» (конец XIV — начало XV в.), встречается выражение «Русская земля». Оно не только характеризует географическое пространство, но и подразумевает подтверждение святости Руси.

Во-первых, рассмотрим трансформацию идеи святости Русской земли. После того как великий князь Владимир Святославич (978–1015) крестил Русь, христианское учение и догматы не могли сразу вытеснить с исторической сцены и из народного сознания древние языческие верования, представления и обычаи. Поэтому возникла спорная проблема «двоеверия». В процессе христианизации содержание и форма язычества либо получали новые смыслы, либо постепенно ставились вне закона; боги язычества либо трансформировались в христианских святых, либо превращались в демонов, нечистых духов. Ярким примером является изменение культа Земли. В язычестве славяне поклонялись земле и ласково называли ее «мать сыра земля», потому что она питает все сущее и воплощает жизненную силу. Это и есть первоначальное значение корня «свят» (праславянское *svęt-). То есть земля в период язычества была святой в смысле материальной жизни. После крещения Русская земля стала называться «светлой» [Слово о погибели Русской земли, 1997, т. 5, с. 90–91]. Богатырей в былинах и хранителей Русской земли в духовных стихах часто называли «святोरусскими» или «светорусскими» [Федотов, 1991, с. 118; Лепахин, 2005, ч. 1]. Хотя «свят» и «свет» — разные корни, судя по фольклору, в общественном сознании они часто используются как синонимы. В словаре В. И. Даля (1801–1872) дано объяснение слову «Светорусье»: «русский мир, земля; белый вольный свет на Руси; говорится и святорусье» [Даль, 1882, т. 4,

с. 159]. На основе этого Лепяхин пришел к выводу: «...сначала земля светлая, потом светлорусская, затем светорусская, позже святорусская и, наконец, — Святая Русь» [Лепяхин, 2005, ч. 1]. Словом, после крещения земля Русская все еще была святой, но теперь святость относилась не к процветанию материальной жизненной силы, а получала новое значение. Как говорится в «Слове о Законе и Благодати», «слово евангельское землю нашу осия» [Слово о законе и благодати, 1997, т. 1, с. 45], и потому Русская земля стала святой. Русь приняла христианство, следовательно, стала святой. Однако этого недостаточно, чтобы понимать святость Русской земли.

Во-вторых, рассмотрим понятие «новая богоизбранная земля». В христианском мире Иерусалим признан святым градом и святой землей. В древнерусской литературе Киев — «мать городов русских» часто сравнивается со святым градом Иерусалимом посредством метафор и прямых выражений, чтобы подчеркнуть святость Русской земли. Митрополит Иларион в своем «Слове о Законе и Благодати» связал Киев с Иерусалимом посредством Константинополя — нового Иерусалима [Слово о законе и благодати, 1997, т. 1, с. 48–49], а потом автор «Сказания о русской грамоте» ясно указал, что Киев — второй Иерусалим, Владимир — второй Моисей [Кириллин, 2018, т. 3, № 1, с. 122]. Вместе с тем то, что происходило в центрах Русской земли — Киеве, Москве и др., иногда сравнивают с событиями в истории Иерусалима. Например, в «Житии Александра Невского» (1280-е годы) попытка шведского короля завоевать «землю Александрову» закончилась неудачей, что перекликается с безуспешным походом ассирийцев на Иерусалим при Езекии, тринадцатом царе Иудеи в Библии [Житие Александра Невского, 1997, т. 5, с. 362–363]. В «Повести о нашествии Тохтамыша» автор почти буквально повторяет текст «Псалтыри» (Пс. 78:1–3), соотносит беду, постигшую Русскую землю, с несчастьем, которое пережил святой град Иерусалим, и заменяет Иерусалим в Библии Москвой — «пролиаша кровь их, яко воду, окрестъ Москвы, не бѣ погрѣбая» [Повесть о нашествии Тохтамыша, 1999, т. 6, с. 198]. Итак, в массовом сознании Иерусалим был перенесен из земли Палестины на Русскую землю, и ее святость несомненна.

Наконец, отметим углубление осознания святости Русской земли. Русский философ Н. С. Трубецкой (1890–1938) считал, что монгольское нашествие на Русь в XIII веке и последующее монгольское иго вызвали у народа идеализацию бывшей Руси, и параллельно с сильным чувством патриотизма и героизма в народе шел религиозный подъем [Трубецкой, 1999, ч. IV]. Действительно, в «Задонщине» неоднократно встречается выражение «За землю за Рускую и за вѣру крестьянскую», причем «за землю» и «за веру» являются синонимич-

ными. Автор данного произведения полагал, что победа в Куликовской битве доказала милость Бога к России: «И помилова Богъ Рускую землю, а татаръ пало безчислено многое множество» [Задонщина, 1999, т. 6, с. 118]. Кроме того, в «Задонщине» слово «татары» всегда сочетается с прилагательным «поганный», чтобы подчеркнуть разницу между Русской землей и Восточной землей, откуда пришли татары. По сути, это конкретное и национальное понимание исходного значения слова «святой» — «отделенный» (иврит: qadoš), то есть отделение Бога от светского мира.

Святость Русской земли имманентная и преемственная. Введение христианства придало «святости» новый смысл и превратило Русскую землю в священное пространство, сравнимое со Святой землей в Библии. И хотя на этой земле в период раздробленности были разные «земли»: Суздальская земля, Новгородская земля, Рязанская земля, Тверская земля, Московская земля и т. д., эти «земли» всегда были объединены общей Русской землей — Святой Русью. В частности, в условиях нашествия иноземных язычников святость Русской земли еще более воодушевлялась и прояснялась.

Повторное подтверждение православных ценностей: Святая Русь — православное цивилизационное пространство. С конца 1980-х годов православие переживает возрождение в России. Идея Святой Руси вновь появилась в дискурсе РПЦ и в научном дискурсе. В 2008 году патриарх Алексий II (1929–2008) в своей приветственной речи на II ассамблее Русского мира говорил, что проведенные в нынешнем году торжества в Москве, Киеве и Минске по случаю 1020-летия Крещения Руси подтвердили верность русского, украинского и белорусского народов многовековому наследию единой и неделимой Святой Руси [Патриарх Алексий II, 2008]. Патриарх Кирилл цитировал слова преподобного Лаврентия Черниговского (1868–1950) на III ассамблее Русского мира в 2009 году и уточнял значение Святой Руси у Алексия II: «Россия, Украина, Беларусь — это и есть святая Русь» [Патриарх Кирилл, 2009]. В следующем году на Архиерейском совещании патриарх Кирилл повторял: «Святая Русь — это не умозрительное понятие и не просто часть нашей истории. Это и наша современность» [Патриарх Кирилл, 2010]. Значит, в контексте современной РПЦ Святая Русь не только тесно связана с историей, но и должна принимать вызовы современных реалий.

В первую очередь появляется идея напомнить об истоках Святой Руси. В контексте РПЦ Русь — это не географическое и национальное понятие, а православная система ценностей, ее святость восходит к апостолу Андрею, который по легенде посетил Русскую землю, к святым Кириллу (827–869) и Мефодию (815–885), которые создали славянскую письменность и принесли

сюда Библию и служебные книги, а также к великому князю Владимиру, крестившему Русь. Днепровское крещение сделало Русь членом христианского мира, и Киев стал первым центром православного цивилизационного пространства Святой Руси. «Отсюда берет начало единая для всей восточнославянской цивилизации традиция» [Святейший Патриарх Кирилл, 2009]. Поэтому Крещение Руси стало отправной точкой в развитии идеи Святой Руси, а три ветви восточнославянского народа (Россия, Украина и Беларусь) составляют метапространство Святой Руси. В X–XV веках в рамках Русской земли такие города, как Киев, Новгород и Москва, сравнивали себя со святым градом Иерусалимом, чтобы подчеркнуть превосходство «богоизбранного места», а в новую эпоху при акценте на истоки Святой Руси фактически ориентируются на решение «святости» Московского Патриархата. Патриарх Кирилл отметил, что «в трудных условиях запустения Южной Руси и монгольского ига» [Патриарх Кирилл, 2010] Москва приняла эстафету от Киева и митрополит Киевский Петр (ок. 1260–1326) перенес свою резиденцию в Москву (1325), так завершилось переселение центра церкви и центра цивилизации. Однако новый центр не означает отрицание Киева, а является продолжением его цивилизации и продолжением православной цивилизации, унаследованной от Византии. В 2010 году в России 28 июля — День Крещения Руси — был внесен в список государственных памятных дат, что свидетельствует о признании Россией своих духовных и исторических корней. Утверждение об истоках Святой Руси подразумевает, что Россия является одной из наследниц исторической Руси, констатирует кровную чистоту РПЦ, а также дает историческую точку опоры для Русского мира, созданного на основе «языка, культуры и исторической памяти».

Во-вторых, возникает потребность вновь подтвердить значимость православных ценностей. Трактую православное цивилизационное пространство — Святую Русь, — современная РПЦ, с одной стороны, указывает на мета-историческое пространство России, Украины и Беларуси, а с другой — подчеркивает открытость этого пространства. Ярким примером является такой факт: патриарх Кирилл включал Молдавию (романоязычную неславянскую страну) в состав Святой Руси, называя ее неотъемлемой частью Святой Руси. Включение Молдавии в Святую Русь свидетельствует о главенстве православных ценностей в этом пространстве. Коренная причина, по которой Молдавия может стать частью Святой Руси, заключается в том, что «Православная Церковь сформировала (...) духовный облик молдавского народа» [Интервью Святейшего Патриарха Кирилла ... , 2009], а истории Молдавии и Руси имеют важные пересечения. Кроме того, с точки зрения РПЦ религиозная открытость Святой

Руси и ее «мягкость» по отношению к другим религиозным традициям также обусловлены тем, что православные ценности сформировали нравственность и этику восточных славян.

При этом РПЦ подчеркивает важность православных ценностей для русского цивилизационного пространства Русского мира. В современной России Русский мир — это популярное понятие, которое не имеет четкого определения и одновременно относится к различным направлениям, таким как геополитика, дипломатия, религия, цивилизация и т. д. Трактовка РПЦ этого понятия претерпела изменения от «некой разреженной в глобальном пространстве формы Святой Руси» [Смирнов, 2010, № 3, с. 128] к русской цивилизации с ядром «Святая Русь». Патриарх Кирилл в выступлении на IV ассамблее Русского мира заменил «православную веру» [Патриарх Кирилл, 2009] в качестве основы Русского мира «единой системой ценностей и опытом ее воплощения в истории» [Патриарх Кирилл, 2010]. Но на последующих ассамблеях Русского мира он всегда подчеркивал доминанту православия и РПЦ в русском цивилизационном пространстве. Доминанта православия и РПЦ раскрывается, во-первых, по отношению к другим религиям. Патриарх Кирилл подтвердил, что «не было бы этого духовного, этического влияния, (...) не было бы Русского мира» [Патриарх Кирилл, 2016]; Русская православная церковь «была и по сей день остается духовной скрепой, объединяющей народы исторической Руси» [Патриарх Кирилл, 2012]. Во-вторых, доминанта православия и РПЦ раскрывается по отношению к другим опорам Русского мира. Патриарх Кирилл поставил единую систему ценностей с доминирующими православными традициями на первое место среди трех основ Русского мира. Говоря о других опорах, например о языке, он уделяет больше внимания его роли в формировании национальной духовной культуры и значению в наследовании христианской этики и ценностей. Итак, с точки зрения РПЦ Святая Русь определяет основной облик Русского мира, отличает его от других цивилизаций, а также является центропритягательной силой Русского мира.

Следует отметить, что, хотя современная РПЦ подчеркивает значимость православных ценностей в структуре идеи Святой Руси, нельзя оставлять без внимания то, что она имеет определенную геополитическую составляющую. Представление о Святой Руси распространяется на «каноническую территорию» РПЦ во многих странах за пределами России. В качестве ядра Русского мира Святая Русь также несет ответственность за внешнюю стратегию России.

Оба понимания Святой Руси (и Русская земля в период Древней Руси, и православное цивилизационное пространство в наше время) воплощают в себе *мессианство завета* русского народа. Различие заключается в том, что

первое уделяет больше внимания *заключению завета* при переходе от язычества к христианству, то есть созданию и подтверждению новой идентичности и новой системы ценностей; последнее — *сохранению завета* на фоне возрождения православия после долгого разрыва православной культуры, то есть наследование и повторное подтверждение исторической идентичности и системы ценностей. Из этого следует, что при смене мировоззрения становится более ясным *мессианство завета* — надежда на спасение через заключение и сохранение завета. Это составляет реальное понимание святости. И на фоне секулярного общества Святая Русь как православное цивилизационное пространство ограничивается преимущественно церковным и историческим пространством.

Измерение миссии идеи Святой Руси

Измерение миссии — это измерение, устремленное вовне, оно подразумевает ответственность России перед миром и историей. В религиозном контексте эта задача проявляется как создание идеального христианского/православного мира, выходящего за пределы географических границ. В XVI веке Святая Русь выразилась в концепции «Москва — Третий Рим», а в XIX–XX веках слилась с представлениями русских мыслителей о Русской идее. В этом измерении Святая Русь показывает вселенское стремление святости.

Священное царство: Святая Русь и «Москва — Третий Рим». Концепцию «Москва — Третий Рим» выдвинул старец Филофей (ок. 1465–1542) псковского Спасо-Елиазарова монастыря. В конце 1523 — начале 1524 года старец Филофей писал псковскому писцу М. Г. Мисюрю-Мунехину об астрологическом предсказании всемирного потопа 1524 года, а также писал великому князю Василию III (1479–1533). В письмах он упоминал о третьем Риме: «Яко два Рима падоша, а третей стоит, а четвертому не быти» [Послания старца Филофея, 2006, т. 9, с. 298, 304]. Во втором варианте письма Филофея великому князю Василию III (1680-е годы) выражение «святые и Великия Росия» [Синицына, 1998, с. 278] было введено в титул князя, в результате этого идеи «Москва — Третий Рим» и «Святая Русь» имели непосредственную связь. Однако первая постепенно наделялась государственно-политическим оттенком, в частности в XVII веке совершилась подмена святости государственной мощью [Лепяхин, 2005, ч. 2]. Тогда «Москва — Третий Рим» и «Святая Русь» пошли разными путями. На самом деле «идея третьего Рима вначале имела своим ядром идею Святой Руси» [Лепяхин, 2005, ч. 2]. В этот период было необходимо решать вопрос, каким царством является Московское государство. Ответ таков: это последнее всемирное христианское царство.

Концепция «Москва — Третий Рим» исходит из видения четырех царств пророка Даниила¹. Но существуют различные мнения о четвертом царстве. Одни считают, что это Сиро-египетское царство; другие полагают, что это Римское царство. Важные аргументы, подтверждающие последнюю точку зрения, таковы: четвертое царство — это всемирное и единое царство [Бриллиантов, 1914, с. 345–346]. Мысль Филофея о трех Римах восходит к Книге пророка Даниила, и в своем письме он четко говорил, что «вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть Ромейское царство» [Послания старца Филофея, 2006, т. 9, с. 298]. Филофей здесь имеет в виду, что царство Василия III с центром в Москве является всемирным. На самом деле данная мысль появилась уже в конце XV века, в «Изложении Пасхалии» (1492) митрополита Зосимы (Брадатово) (?–1510). В этом тексте Москва названа Новым Константинополем, а Новый Константинополь — Новым Римом [Памятники древнерусского ... , 1908, ч. 1, с. 798]. И Иван III (1440–1505) есть второй Константин. Он государь не только нового града Константинополя — Москвы, но и всей Русской земли и иных многих земель [Памятники древнерусского ... , 1908, ч. 1, с. 799]. По мере того как Московское княжество полностью освободилось от власти монголов и на Русской земле начался процесс объединения, перед Московским царством ставились все более амбициозные задачи.

Что представляло собой ядро «всемирного» Московского царства? Не экспансия земель, а православие, точнее православное христианство. В памятниках «Изложение Пасхалии», «Письма Филофея» и «Казанская история» (XVI век), которые связаны с зарождением, выдвижением и развитием концепции «Москва — Третий Рим», замечен интересный нюанс. Меняется эпитет, характеризующий русских князей, верующих и веру: от акцента на «православный» к более широкому использованию выражения «православный христианский» и, наконец, к предпочтению слова «христианский». Эпитет показывает, что для массового сознания был важен религиозный атрибут Московского царства. Во-первых, Московское царство является православным. Данная вера была введена в Россию от Восточной церкви. Православная церковь считает себя ортодоксальной по сравнению с западной «кафолической» церковью. Православный — это не только религиозная идентичность, но и в определенной степени подчеркивание различий внутри христианства. Во-вторых, православное христианство в известной мере ослабляет намерение отделения внутри

¹ Д. Стремоухов отмечает, что мысль «Москва — третий Рим» восходит вовсе не только к Книге пророка Даниила, но и к 3-й книге Ездры, которая примерно в это же время была переведена на русский язык (см.: [Стремоухов, 2002]).

христианства, ставя себя в общий христианский мир при акценте на православие и одновременно выдвигая на первый план общее название «христианство». Наконец, при описании противостояния разных религий, например в «Казанской истории», все чаще используют определение «христианский» [Казанская история, 2000, т. 10, с. 252–509]. Когда в тексте говорится о взятии Казани, Ивана Васильевича называют «великим самодержцем христианским», что показывает скрытое стремление к единому христианскому миру. Кроме того, с конца XV века, по сравнению с предыдущими веками, в древнерусских памятниках стала чаще использоваться ассоциация «Москва — Рим», а не «Москва — Иерусалим» и «Москва — Константинополь». В этом отразился особый взгляд на Московское царство во всемирном масштабе. В Библии царство с центром в Иерусалиме, основанное Давидом и Соломоном, было царством израильтян, а не христиан; Византийская империя стала представителем православного христианского мира после раскола Восточной и Западной церквей в 1054 году; а Рим — очаг единого христианского мира. Словосочетание «Ромейское царство», используемое Филофеем, в каком-то смысле отражает стремление вернуться к единому христианскому миру. С одной стороны, византийцы называли себя римлянами — «ромеями», свою державу — «Ромейской». Филофей выбрал этот перевод для обозначения наследования Московского царства от Византии. С другой стороны, греческий путешественник и монах VI века Козьма Индикоплов отмечал, что понятия «ромейское царство» и «римское царство», которые относятся к Римской империи, не синонимичны. Первое, которое использовал Филофей, связано с вечным Царством Небесным, а последнее означает римскую власть [Синицына, 1998, с. 237]. Итак, концепция «Москва — Третий Рим» Филофея транслировала стремление к всемирному, единому христианскому и вечному царству.

«Четвертого Рима» не будет, то есть третий Рим — это последнее царство. Концепция «Москва — Третий Рим» Филофея переключается с четырьмя царствами из Книги пророка Даниила, где предсказано рождение Мессии в четвертом царстве — Римской империи. А третий Рим интерпретируется Филофеем в рамках Нового Завета. Он связан с эсхатологической мыслью. В этой концепции скрыты два типа эсхатологии, что придает ей назидательный оттенок и оптимистический дух. Первый тип эсхатологии — это о светском царстве. Первый Рим пал из-за ереси Аполлинария, второй Рим — Константинополь — был захвачен потомками Агари, а третий Рим — Московское царство — должен быть бдительным, оставаться чистым, опасаться еретиков и избегать повторения ошибок прошлого. Если Московское царство падет, как первые два Рима, то придет конец света: «Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда

небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят» (2 Пет. 3:10). Второй тип воплощает в себе оптимистическую эсхатологическую мысль РПЦ и предъявляет более строгие требования к государю Московского царства и всего христианского мира — быть твердым в вере, жить благочестивой жизнью, сохранять святость и в конечном итоге осуществлять преобразование мира и создавать на земле «Тысячелетнее Царство». Тогда четвертого Рима больше не будет. Два совершенно разных эсхатологических взгляда, скрытых в концепции «Москва — Третий Рим», были развиты русским религиозным мыслителем Г. П. Федотовым (1886–1951) [Федотов, 2014, т. 7, с. 217–227] и др.

Соборная богочеловеческая утопия: Святая Русь и Русская идея. В XIX веке выражение «Святая Русь», которое раньше часто встречалось в фольклоре, вошло в сочинения историков, писателей и философов. Историк Н. М. Карамзин (1766–1826) писал, что у предков русских в мыслях оставались гордость за правого россиянина и любовь к Святой Руси [Карамзин, 1991, с. 34]. Поэт П. А. Вяземский (1792–1878) создал стихотворение «Святая Русь» (1848), откликнувшись на призыв царя Николая I (1796–1855) защитить Святую Русь. У философов переплетаются идея Святой Руси и знаменитая Русская идея. Они имеют общие истоки и магистральную линию развития: Крещение Руси, «Слово о Законе и Благодати», «Москва — Третий Рим», учение славянофилов и т. д. По сути, представления русских религиозных мыслителей и философов о Русской идее являются в определенном смысле философским размышлением о Святой Руси, углубляют всемирную и христианскую составляющую в концепции «Москва — Третий Рим», способствуют сдвигу с образа последнего всемирного христианского царства на соборную богочеловеческую утопию. Первое имеет определенные исторические отсылки, а последнее главным образом существует в идеальном философском пространстве.

Соборная богочеловеческая утопия продолжает выражать стремление, скрытое в концепции «Москва — Третий Рим», и указывает на всемирный христианский мир. В ней уделяется внимание сущности христианства. Философ А. С. Хомяков (1804–1860) считал, что «христианство, в полноте своего Божественного учения, представляло идеи единства и свободы, неразрывно соединенные в нравственном законе взаимной любви» [Хомяков, 1900, т. 1, с. 148]. Иными словами, совершенное христианство должно содержать в себе три неразделимых элемента: единство, свободу и любовь. В этом заключается не только основной смысл понятия «соборность», предложенного Хомяковым, но и первоначальное значение слова «соборный». Ученые РПЦ отмечают, что слово «соборный» соответствует слову «кафолический» в Символе веры. Тер-

мин «кафолическая церковь» выражает полноту и единство Церкви Божией [Ореханов, Кырлежев, 2013]. Следовательно, соборная церковь означает совершенную и единую церковь. По мнению Хомякова, а также многих православных богословов и религиозных философов, в православии органически сосуществуют названные три элемента: идеально сочетаются свобода и единство, и свобода — это свобода на основе любви к Богу; на Западе у католицизма есть единство, но нет свободы, а у протестантизма есть свобода, но нет единства. По сути, соборность выражает идею свободного и органичного единства во множестве. Она коренится в самом фундаментальном христианском учении о Троице: Бог Отец, Бог Сын и Бог Святой Дух; каждая из этих ипостасей имеет свою уникальную личность и природу, но вместе они образуют единое Божественное существо. Однако, как говорил Бердяев, Хомяков «узрел [соборность] не в исторической действительности православной церкви, а за ней» [Бердяев, 2016, с. 199], Хомяков и многие другие русские мыслители имеют в виду идеальное православие. В связи с этим единство, образующееся на основе соборности, также является идеальным, концептуальным пространством.

Соборная богочеловеческая утопия наследует «всемирный» идеал «Москвы — Третьего Рима», но она не является пространством в географическом смысле, а ориентируется на все человеческое общество. В православном контексте миссией индивидуума является обожение, под которым понимается восстановление в человеке подобия Богу, реализация преображения и соединение с Богом. Поэтому учение об обожении — это учение об индивидуальном спасении. Как говорил В. С. Соловьев, обожение не должно ограничиваться индивидуумом, а должно произойти коллективно в человеческом обществе: свободное соединение человечества и божественного начала, преобразование всего человеческого общества, спасение всего человечества. Основание возможности богочеловечества лежит в богочеловеке — Иисусе Христе, в котором совершенно соединены божественная и человеческая природы. Он одновременно и индивидуум, и универсальное существо, охватывающее все человечество посредством Бога. Итак, человечество имеет возможность соединения с Божеством. Иисус Христос является индивидуальным воплощением Царства Небесного, а богочеловеческое общество — воплощением Царства Небесного на земле. Перед этим грандиозным идеалом русский народ, как верующий в «единую, святую, соборную и апостольскую» православную церковь, обязан признать свою историческую ответственность, «свою неразрывную связь с вселенским семейством Христа, (...)». Восстановить на земле этот верный образ божественной Троицы» [Соловьев, 1989, т. 2, с. 245–246]. То есть он должен создать на этой земле Царство Божие, в котором сформированы симфони-

ские отношения церкви, государства и общества. Это не только существенный вопрос, рассматриваемый философами по поводу Русской идеи, но и идеал Святой Руси. Однако идеал богочеловеческого общества также является утопическим. Он выражает прекрасное видение предельного совершенства, но оставляет открытым вопрос о том, как люди могут его осуществить, может ли человечество прийти к свободному соединению с Божеством.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что идея «Москва — Третий Рим» и соборная богочеловеческая утопия воплощают в себе мессианство миссии, то есть всемирное всечеловеческое спасение на основе собственной ортодоксальной, совершенной веры. По сути, это вселенский аспект святости. Следует отметить, что хотя обе идеи выражают вселенский идеал, но в них все-таки скрыты носители идеалов. На фоне подъема Московского государства первая подчеркивает ведущую роль Москвы, московских князей; в момент пробуждения национального самосознания и во время диалога России с Европой последняя уделяет больше внимания русскому народу. И потому «Москва — Третий Рим» часто смешивается с идеалом политического образования, а соборная богочеловеческая утопия неизбежно подвергается критике национализма, но скрытая в обеих мысль о преображении земного мира открывает третье измерение идеи Святой Руси.

Трансцендентное измерение идеи Святой Руси

Трансцендентное измерение идеи Святой Руси означает конечное стремление за пределы времени и истории — Царство Небесное. Это развитие оптимистической эсхатологической метафоры в концепции «Москва — Третий Рим» и неизбежный результат метафизических размышлений русских философов XIX века и первой половины XX века о Русской идее. Это Святая Русь с большой буквы.

Как уже говорилось выше, оптимистическая эсхатологическая мысль в концепции «Москва — Третий Рим» выявляет надежду на преображенный мир, который подобен обожженному человеку, преодолевает оковы времени и входит в вечное Царство Небесное. Однако Филофей не развивал эту мысль. В XIX веке и первой половине XX века на фоне бурного развития русской философии и религиозной философии неземная сторона Святой Руси разрабатывалась все яснее. В стихотворении «Святая Русь» Вяземский смутно чувствовал, что путь Святой Руси уже предрекал Промысл [Вяземский, 1880, т. 4, с. 314]. Религиозный философ В. В. Розанов (1856–1919) трезво осознавал тайну Святой Руси: «Есть две России: одна — Россия видимостей, громада внешних форм с правильными очертаниями, ласкающими глаз (...). И есть другая — “Святая

Русь”, “матушка-Русь”, которой законов никто не знает, с неясными формами, неопределенными течениями, конец которых непредвидим, начало неизвестно» [Розанов, 1899, с. 23]. Философ В. Ф. Эрн (1882–1917) также указывал, что «параллельно росту могущества русского царства и созидания Великой России тайники народной души отдают свои лучшие силы на невидимое строительство Божьего Града — на создание и завоевание умопостигаемой небесной родины — Святой Руси» [Эрн, 1915, с. 44]. Трактовка Святой Руси Вяземским, Розановым, Эрном и другими совпадает с интерпретацией Русской идеи такими философами, как В. С. Соловьев и Н. А. Бердяев. В. С. Соловьев считал, что «идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [Соловьев, 1989, т. 2, с. 220]. Иными словами, Русская идея принадлежит не истории, а вечному миру. Именно из-за существования этой вечной идеи русские не любят земного града, а тоскуют по граду будущего и Новому Иерусалиму. Такое религиозное стремление и сознание миссии есть мессианизм русского народа. Впрочем, «в русском мессианизме, столь свойственном русскому народу, чистая мессианская идея Царства Божьего, царства правды, была затуманена идеей империалистической, волей к могуществу» [Бердяев, 2016, с. 238]. Об этом свидетельствует политизация концепции «Москва — Третий Рим». Итак, в сверхвременном измерении Святая Русь и Русская идея приходят разными путями к одной цели. Первая исходит из религиозного чувства, а последняя основана на философских рассуждениях. Они сходятся в потоке русской мысли и в конечном итоге обращаются в русскую утопию.

Святая Русь как синоним вечного мира подразумевает высший религиозный поиск святости и философское размышление о святости. Данное измерение Святой Руси не только составляет основу существования первых двух измерений, но и определяет их динамичность и открытость. Иначе говоря, Святая Русь постоянно интерпретируется и обогащается новыми концепциями.

* * *

Для русского народа «Святая Русь есть отдельная, наследственная собственность русского народа, упроченная ему Богом» [Жуковский, 1869, т. 6, с. 695], есть идеал и стремление русского народа, есть духовный символ, отличающий историческую Русь от чужих. Она живет в прошлом и в настоящем; она реальна и трансцендентна. С религиозной точки зрения для русского народа Святая Русь является в каком-то смысле Священным Преданием, она сокровенна и предуказана Промыслом. В то время как Священное Предание возникает на основе слов, обычаев, икон, обрядов и т. д., Святая Русь также складывается на основе разных концепций в разные исторические периоды.

В X–XV веках с помощью диалога с византийской культурой Русская земля стала синонимом идеи Святой Руси. В XVI веке на фоне становления единого Московского государства и централизации РПЦ концепция «Москва — Третий Рим» стала образом грандиозного видения всемирного христианского царства Святой Руси. В XIX веке и первой половине XX века благодаря бурному развитию русской литературы и философии Русская идея обогатила религиозно-философские основания идеи Святой Руси. С конца XX века в условиях секуляризации и глобализации, с одной стороны, Святая Русь сжалась до идеального православного цивилизационного пространства с традициями РПЦ; с другой стороны, она представляет собой пространство общения между церковью и светским миром. Святая Русь стала духовным ядром Русского мира, имеющего национальное геостратегическое значение. Но в целом идея Святой Руси развивалась, развивается и будет развиваться в трех измерениях: центристском измерении, измерении миссии и трансцендентном измерении, отражая реальное, вселенское и метафизическое понимание понятия «святость».

Список источников

Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности // Аверинцев С. С. Другой Рим: Избранные статьи. СПб.: Амфора, 2005. С. 315–365.

Бердяев Н. А. Русская идея. Мирозерцание Достоевского. М.: Издательство «Э», 2016. 512 с.

Бриллиантов Л. И. Краткое руководство к изучению Священного Писания Ветхого Завета. Могилев: Типография И. Б. Клаза и М. Л. Кагана, 1914. 410 с.

Вяземский П. А. Святая Русь // Вяземский П. А. Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского в 12 т. СПб.: Изд. графа С. Д. Шереметева, 1880. Т. 4. С. 311–315.

Житие Александра Невского // Библиотека литературы Древней Руси. В 20 т. / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб.: Наука, 1997. Т. 5. С. 358–369.

Жуковский В. А. Письмо к князю П. А. Вяземскому об его стихотворении: Святая Русь // Жуковский В. А. Собрание сочинений В. Жуковского в 6 т. 6-е издание. СПб.: Типография императорской академии наук, 1869. Т. 6. С. 687–702.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Типография А. Семена. 1882. Т. 4. 704 с.

Дмитриев М. В. Конфессиональный фактор в формировании представлений о «русском» в культуре Московской Руси // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века — Новое время / под ред. М. В. Дмитриева. М.: Индрик, 2008. С. 218–240.

Задонщина // Библиотека литературы Древней Руси. В 20 т. / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1999. Т. 6. С. 104–119.

Интервью Святейшего Патриарха Кирилла для программы «Национальный интерес» (телеканал «Россия»). 2009. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/950675.html> (дата обращения: 10.08.2024).

Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. В 20 т. / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2000. Т. 10. С. 252–509.

Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 127 с.

Карташев А. В. Судьбы Святой Руси // Карташев А. В. Церковь. История. Россия: статьи и выступления. М.: Издательство «Пробел», 1996. С. 134–154.

Патриарх Алексий II. Приветствие Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия участникам II Ассамблеи Русского мира. 2008. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/484368.html> (дата обращения: 10.08.2024).

Патриарх Кирилл. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на III Ассамблее Русского мира в Москве 3 ноября 2009 года. 2009. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/928446.html> (дата обращения: 10.08.2024).

Патриарх Кирилл. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии IV Ассамблеи Русского мира. 2010. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1310952.html> (дата обращения: 10.08.2024).

Патриарх Кирилл. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Архиерейском совещании 2 февраля 2010 года. 2010. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1061651.html> (дата обращения: 10.08.2024).

Патриарх Кирилл. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на X Ассамблее Фонда «Русский мир». 2016. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4658869.html> (дата обращения: 10.08.2024).

Патриарх Кирилл. Патриаршее приветствие участникам VI Ассамблеи Русского мира. 2012. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2567969> (дата обращения: 10.08.2024).

Кириллин В. М. Святая земля — Римская империя — Византия — Русь: идея наследничества по памятникам древнерусской литературы // *Studia Litterarum*. 2018. Т. 3, № 1. С. 118–139.

Курбский А. М. История о делах великого князя московского / издание подгот. К. Ю. Ерусалимский, пер. А. А. Алексеев. М.: Наука, 2015. 944 с.

Ленахин В. В. Иконичный образ святости: пространственные, временные, религиозные и историософские категории Святой Руси. Ч. 1. 2005. URL: <https://pravoslavie.ru/330.html> (дата обращения: 02.08.2024).

Лепяхин В. В. Иконичный образ святости: пространственные, временные, религиозные и историософские категории Святой Руси. Ч. 2. 2005. URL: <https://pravoslavie.ru/333.html> (дата обращения: 02.08.2024).

Лотман Ю. М. Культура и взрыв // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 13–150.

Определение Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви (Москва, 24–29 июня 2008 года) «О единстве Церкви». 2008. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428916> (дата обращения: 02.08.2024).

Ореханов Г. Л., Кырлежев А. И. О термине «соборность» в Символе веры и истории. 2013. URL: <https://azbyka.ru/o-termine-sobornost-v-simvole-very-i-istorii> (дата обращения: 20.09. 2024).

Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники 11–15 в. Издание второе / под ред. А. С. Павлова. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1908. 1472 с.

Перевезенцев С. В. Тайны русской веры. От язычества к империи. М.: Вече, 2001. 473 с.

Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. В 20 т. / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. С. 62–315.

Повесть о нашествии Тохтамыша // Библиотека литературы Древней Руси. В 20 т. / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1999. Т. 6. С. 190–205.

Послания старца Филофея // Библиотека литературы Древней Руси. В 20 т. / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2006. Т. 9. С. 290–305.

Розанов В. В. Психология русского раскола // Розанов В. В. Религия и культура. Сборник статей / издание П. Перцова. СПб.: Типография М. Меркушева, 1899. С. 23–54.

Святейший Патриарх Кирилл: «Церковная жизнь должна быть служением». Интервью газете «Известия». 2009. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/642516.html> (дата обращения: 10.08.2024).

Синицына Н. В. Максим Грек. М.: Молодая гвардия, 2008. 236 с.

Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 416 с.

Слово о законе и благодати // Библиотека литературы Древней Руси. В 20 т. / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. С. 26–61.

Слово о погибели Русской земли // Библиотека литературы Древней Руси. В 20 т. / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 5. С. 90–91.

Смирнов М. А. «Святая Русь»: от метафизики к политике. Международная политика Московской патриархии как цивилизационная стратегия // Свободная мысль. 2010. № 3. С. 125–134.

Соловьев А. В. Святая Русь. Очерк развития религиозно-общественной идеи. 1927. URL: <https://azbyka.ru/svjataja-rus-ocherk> (дата обращения: 04.08.2024).

Соловьев В. С. Национальный вопрос в России. Выпуск первый // Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 257–408.

Соловьев В. С. Русская идея / пер. с франц. Г. А. Рачинского // Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 219–246.

Стремоухов Дм. Москва — Третий Рим: источники доктрины // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1: Киевская и Московская Русь / сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 425–441.

Суслов М. Д. «Святая Русь»: Геополитическое воображение в современной русской православной церкви // Политическая наука. 2013. № 2. С. 142–164.

Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М.: ГУП «Облиздат»; ТОО «Алир», 1998. 672 с.

Топоров Н. В. Святость и святые в русской духовной культуре. В 2 т. М.: «Гнозис» — Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 1. 875 с.

Третье послание Курбского Ивану Грозному // Библиотека литературы древней Руси. В 20 т. / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2001. Т. 11. С. 78–99.

Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. М.: «Э», 2017. 569 с.

Федотов Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М.: Прогресс; Гнозис, 1991. 185 с.

Федотов Г. П. Эсхатология и культура // Федотов Г. П. Собрание сочинений в 12 т. М.: Sam & Sam, 2014. Т. 7. С. 217–227.

Хомяков А. С. По поводу Гумбольдта // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений: в 8 т. М.: Университетская типография, 1900. Т. 1. С. 143–174.

Шаховской Д. М. Идея «Москва — Третий Рим» — основная тематика // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика / отв. ред.: А. Н. Сахаров, П. Каталано. М.: Институт российской истории, 1995. С. 140–146.

Эрн В. Ф. Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия. М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1915. 48 с.

References

- Patriarch Alexy II (2008) *Privetstvie Svyateishego Patriarha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya uchastnikam II Assamblei Russkogo mira* [Greetings from His Holiness Patriarch Alexy of Moscow and All Rus' to the Participants of the II Assembly of the Russkiy Mir]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/484368.html> (Accessed: 10 August 2024).
- Averintsev, S. S. (2005) "Vizantiya i Rus': dva tipa duhovnosti" ["Byzantium and Rus': Two Types of Spirituality"], in Averintsev, S. S. *Drugoi Rim: Izbrannye stat'i* [Another Rome: Selected Articles]. Saint Petersburg: Amphora, pp. 315–365.
- Berdyayev, N. A. (2016) *Russkaya ideya. Mirosozertsanie Dostoevskogo* [Russian Idea. Dostoevsky's Worldview]. Moscow: "E".
- Brilliantov, L. I. (1914) *Kratkoe rukovodstvo k izucheniyu Svyashchennogo Pisaniya Vethogo Zaveta* [A Brief Guide to the Study of the Holy Scriptures of the Old Testament]. Mogilev: Tipografiya I. B. Klaza i M. L. Kagana.
- Dal', V. I. (1882) *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T. 4.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Vol. 4]. Moscow: Tipografiya A. Semena.
- Dmitriev, M. V. (2008) "Konfessional'nyi faktor v formirovanii predstavlenii o 'russkom' v kul'ture Moskovskoi Rusi" ["The Confessional Factor in the Formation of Ideas about 'Russian' in the Culture of Muscovite Rus'"], in Dmitriev, M. V. (ed.) *Religioznye i etnicheskie traditsii v formirovanii nacional'nykh identichnostei v Evrope. Srednie veka — Novoe vremya* [Religious and Ethnic Traditions in the Formation of National Identities in Europe. Middle Ages — Modern Times]. Moscow: Indrik, pp. 218–240.
- Ern, V. F. (1915) *Vremya slavyanofil'stvuet. Voina, Germaniya, Evropa i Rossiya* [The Time Becomes Slavophile. War, Germany, Europe and Russia]. Moscow: Tipografiya T-va I. D. Sytina.
- Fedotov, G. P. (1991) *Stihi duhovnye (Russkaya narodnaya vera po duhovnym stiham)* [Spiritual Poems (Russian Folk Faith Based on Spiritual Poems)]. Moscow: Progress; Gnozis.
- Fedotov, G. P. (2014) "Eskhatologiya i kul'tura" ["Eschatology and Culture"], in Fedotov, G. P. *Sobranie sochinenii v 12 t. T. 7* [Collection of Works in 12 vols. Vol. 7]. Moscow: Sam & Sam.
- Homyakov, A. S. (1900) "Po povodu Gumbol'dta" ["About Humboldt"], in Homyakov, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 8 t. T. 1* [Complete Collection of Works: in 8 vols. Vol. 1]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, pp. 143–174.
- Interv'yu Svyateishego Patriarha Kirilla dlya programmy "Natsional'nyj interes" (telekanal "Rossiya") [Interview of His Holiness Patriarch Kirill for the Program "National Interest" (TV Channel "Russia")] (2009) Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/950675.html> (Accessed: 10 August 2024).

Karamzin, N. M. (1991) *Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyah* [Note on Old and New Russia in Its Political and Civil Relations]. Moscow: Nauka.

Kartashyov, A. V. (1996) “Sud’by Svyatoi Rusi” [“The Fates of Holy Rus”], in Kartashyov, A. V. *Tserkov’. Istoriya. Rossiya: stat’i i vystupleniya* [Church. History. Russia: Articles and Speeches]. Moscow: Izdatel’sтво “Probel”, pp. 134–154.

Patriarch Kirill (2009) *Doklad Svyateishego Patriarha Kirilla na Arhiereiskom soveshchanii 2 fevralya 2010 goda* [Report of His Holiness Patriarch Kirill at the Bishops’ Conference on February 2, 2010]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1061651.html> (Accessed: 10 August 2024).

Patriarch Kirill (2016) *Doklad Svyateishego Patriarha Kirilla na X Assamblee Fonda “Russkii mir”* [Report of His Holiness Patriarch Kirill at the 10th Assembly of the “Russkiy Mir” Foundation]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4658869.html> (Accessed: 10 August 2024).

Patriarch Kirill (2012) *Patriarshee privetstvie uchastnikam VI Assamblei Russkogo mira* [Patriarchal Greetings to the Participants of the VI Assembly of the Russkiy Mir]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2567969> (Accessed: 10 August 2024).

Patriarch Kirill (2009) *Vystuplenie svyateishego patriarha Kirilla na III Assamblee Russkogo mira v Moskve 3 noyabrya 2009 goda* [Speech of His Holiness Patriarch Kirill at the III Assembly of the Russkiy Mir in Moscow on November 3, 2009]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/928446.html> (Accessed: 10 August 2024).

Patriarch Kirill (2010) *Vystuplenie Svyateishego Patriarha Kirilla na otkrytii IV Assamblei Russkogo mira* [Speech by His Holiness Patriarch Kirill at the Opening of the IV Assembly of the Russkiy Mir]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1310952.html> (Accessed: 10 August 2024).

Kirillin, V. M. (2018) “Svyataya zemlya — Rimskaya imperiya — Vizantiya — Rus’: ideya naslednichestva po pamyatnikam drevnerusskoi literatury” [“Holy Land — Roman Empire — Byzantium — Rus’: The Idea of inheritance on the monuments of Old Russian Literature”], *Studia Litterarum*, 3(1), pp. 118–139.

Kurbskii, A. M. (2015) “Istoriya o delah velikogo knyazya moskovskogo” [“The Story of the Affairs of the Grand Duke of Moscow”]. Izдание podgotovil K. Yu. Eruslinskii. Transl. by A. A. Alekseev. Moscow: Nauka.

Lepahin, V. V. (2005) *Ikonichnyi obraz svyatosti: prostranstvennye, vremennye, religioznye i istoriosofskie kategorii Svyatoi Rusi. Ch. 1* [Iconic Image of Holiness: Spatial, Temporal, Religious and Historiosophical Categories of Holy Rus’. Part 1]. Available at: <https://pravoslavie.ru/330.html> (Accessed: 02 August 2024).

Lepahin, V. V. (2005) *Ikonichnyi obraz svyatosti: prostranstvennye, vremennye, religioznye i istoriosofskie kategorii Svyatoi Rusi. Ch. 2* [Iconic Image of Holiness: Spatial,

Temporal, Religious and Historiosophical Categories of Holy Rus'. Part 2. Available at: <https://pravoslavie.ru/330.html> (Accessed: 02 August 2024).

Lihachev, D. S., Dmitriev, L. A., Alekseev, A. A. and Ponyrko, N. V. (eds) (2000) “Kazanskaya istoriya” [“Kazan Story”], in *Biblioteka literatury Drevnei Rusi. V 20 t. T. 10* [Library of Literature of Old Rus': in 20 Vols. Vol. 10]. St. Petersburg: Nauka, pp. 252–509.

Lihachev, D. S., Dmitriev, L. A., Alekseev, A. A. and Ponyrko, N. V. (eds) (2006) “Poslaniya starca Filofeya” [“Letters of Elder Philotheus”], in *Biblioteka literatury Drevnei Rusi. V 20 t. T. 9* [Library of Literature of Old Rus': in 20 Vols. Vol. 9]. St. Petersburg: Nauka, pp. 290–305.

Lihachev, D. S., Dmitriev, L. A., Alekseev, A. A. and Ponyrko, N. V. (eds) (1997) “Povest' vremennykh let” [“The Tale of Bygone Years”], in *Biblioteka literatury Drevnei Rusi. V 20 t. T. 1* [Library of Literature of Old Rus': in 20 Vols. Vol. 1]. St. Petersburg: Nauka, pp. 62–315.

Lihachev, D. S., Dmitriev, L. A., Alekseev, A. A. and Ponyrko, N. V. (eds) (1999) “Povest' o nashestvii Tohtamysha” [“The Tale of Tokhtamysh's Invasion”], in *Biblioteka literatury Drevnei Rusi. V 20 t. T. 6* [Library of Literature of Old Rus': in 20 Vols. Vol. 6]. St. Petersburg: Nauka, pp. 190–205.

Lihachev, D. S., Dmitriev, L. A., Alekseev, A. A. and Ponyrko, N. V. (eds) (1997) “Slovo o pogibeli Russkoi zemli” [“The Tale of the Destruction of the Russian Land”], in *Biblioteka literatury Drevnei Rusi. V 20 t. T. 5* [Library of Literature of Old Rus': in 20 Vols. Vol. 5]. St. Petersburg: Nauka, pp. 90–91.

Lihachev, D. S., Dmitriev, L. A., Alekseev, A. A. and Ponyrko, N. V. (eds) (1997) “Slovo o zakone i blagodati” [“The Sermon on Law and Grace”], in *Biblioteka literatury Drevnei Rusi. V 20 t. T. 1* [Library of Literature of Old Rus': in 20 Vols. Vol. 1]. St. Petersburg: Nauka, pp. 26–61.

Lihachev, D. S., Dmitriev, L. A., Alekseev, A. A. and Ponyrko, N. V. (eds) (2001) “Tret'e poslanie Kurbskogo Ivanu Groznomu” [“Kurbsky's Third Letter to Ivan the Terrible”], in *Biblioteka literatury Drevnei Rusi. V 20 t. T. 11* [Library of Literature of Old Rus': in 20 Vols. Vol. 11]. St. Petersburg: Nauka, pp. 78–99.

Lihachev, D. S., Dmitriev, L. A., Alekseev, A. A. and Ponyrko, N. V. (eds) (1999) “Zadonshchina”, in *Biblioteka literatury Drevnei Rusi. V 20 t. T. 6* [Library of Literature of Old Rus': in 20 Vols. Vol. 6]. St. Petersburg: Nauka, pp. 104–119.

Lihachev, D. S., Dmitriev, L. A., Alekseev, A. A. and Ponyrko, N. V. (eds) (1999) “Zhitie Aleksandra Nevskogo” [“The Life of Alexander Nevsky”], in *Biblioteka literatury Drevnei Rusi. V 20 t. T. 5* [Library of Literature of Old Rus': in 20 Vols. Vol. 5]. St. Petersburg: Nauka, pp. 358–369.

Lotman, Yu. M. (2000) “Kul’tura i vzryv” [“Culture and Explosion”], in Lotman, Yu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, pp. 13–150.

Opredelenie osvyashchennogo Arhiereiskogo Sobora Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi (Moskva, 24–29 iyunya 2008 goda) O edinstve Tserkvi [Definition of the Holy Bishops’ Council of the Russian Orthodox Church (Moscow, June 24–29, 2008) On the Unity of the Church] (2008) Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428916> (Accessed: 02 August 2024).

Orekhanov, G. L. and Kyrlezhev, A. I. (2013) *O termine “sobornost” v Simvole very i istorii* [On the Term “Catholicity” in the Creed and History]. Available at: <https://azbyka.ru/o-termine-sobornost-v-simvole-very-i-istorii> (Accessed: 20 September 2024).

Pavlov, A. S. (ed.) (1908) *Pamyatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava. Ch. 1. Pamyatniki 11–15 v.* [Monuments of Old Russian Canon Law. Part 1. Monuments of the 11th–15th Centuries]. Second edition. St. Petersburg: Tipografiya M. A. Aleksandrova.

Perevezencev, S. V. (2001) *Tainy russkoi very. Ot yazychestva k imperii* [Secrets of the Russian Faith. From Paganism to Empire]. Moscow: Veche.

Rozanov, V. V. (1899) “Psihologiya russkogo raskola” [“Psychology of the Russian Split”], in Rozanov, V. V. *Religiya i kul’tura. Sbornik statei* [Religion and Culture. Collection of Articles]. St. Petersburg: Tipografiya M. Merkusheva.

Shahovskoi, D. M. (1995) “Ideya ‘Moskva — Tretii Rim’ — osnovnaya tematika” [“The Idea of ‘Moscow — the Third Rome’ — the Main Theme”], in Saharov, A. N., Katalano P. (eds) *Rimsko-konstantinopol’skoe nasledie na Rusi: ideya vlasti i politicheskaya praktika* [Roman-Constantinople Heritage in Rus’: The Idea of Power and Political Practice]. Moscow: Institut rossijskoi istorii, pp. 140–146.

Sinitsyna, N. V. (1998) *Tretii Rim. Istoki i evolyutsiya russkoi srednevekovoi kontseptsii (15–16 vv.)* [Third Rome. Origins and Evolution of the Russian Medieval Concept (15th–16th centuries)]. Moscow: Indrik.

Sinitsyna, N. V. (2008) *Maksim Grek*. Moscow: Molodaya gvardiya.

Smirnov, M. A. (2010) “‘Svyataya Rus’: ot metafiziki k politike. Mezhdunarodnaya politika Moskovskoi patriarii kak tsivilizatsionnaya strategiya” [“‘Holy Rus’: from Metaphysics to Politics. International Policy of the Moscow Patriarchate as a Civilizational Strategy”], *Svobodnaya mysl’* [Free Thought], 3, pp. 125–134.

Solov’ev, A. V. (1927) “Svyataya Rus’. Ocherk razvitiya religiozno-obshchestvennoi idei” [“Holy Rus’. An Essay on the Development of Religious and Social Ideas”]. Available at: <https://azbyka.ru/svjataja-rus-ocherk> (Accessed: 04 August 2024).

Solov’ev, V. S. (1989) “Nacional’nyi vopros v Rossii. Vypusk pervyi” [“The National Question in Russia. Issue One”], in Solov’ev, V. S. *Sochineniya v 2 t. T. 1* [Works in 2 vols. Vol. 1]. Moscow: Pravda, pp. 257–408.

Solov'ev, V. S. (1989) "Russkaya ideya" ["Russian Idea"]. Transl. from the French by G. A. Rachinskii, in Solov'ev, V. S. *Sochineniya v 2 t. T. 2* [Works in 2 vols. Vol. 2]. Moscow: Pravda, pp. 219–246.

Stremouhov, Dm. (2002) "Moskva — Tretii Rim: istochniki doktriny" ["Moscow — The Third Rome: Sources of the Doctrine"], in Litvina, A. F. and Uspenskii, F. B. (eds) *Iz istorii russkoi kul'tury. T. II. Kn. 1: Kievskaya i Moskovskaya Rus'* [From the History of Russian Culture. Vol. II. Book 1: Kievan and Moscow Rus']. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, pp. 425–441.

Suslov, M. D. (2013) "'Svyataya Rus': Geopoliticheskoe voobrazhenie v sovremennoi russkoi pravoslavnoi tserkvi" ["'Holy Rus': Geopolitical Imagination in the Modern Russian Orthodox Church"], *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2, pp. 142–164.

Svyateishii Patriarh Kirill: "Tserkovnaya zhizn' dolzhna byt' sluzheniem". Interv'yu gazete 'Izvestiya' [His Holiness Patriarch Kirill: "Church Life Must Be Service." Interview with the Newspaper 'Izvestia'] (2009) Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/642516.html> (Accessed: 02 August 2024).

Tihomirov, L. A. (1998) *Monarhicheskaya gosudarstvennost'* [Monarchical Statehood]. Moscow: GUP "Oblizdat"; TOO "Alir".

Toporov, N. V. (1995) *Svyatost' i svyatye v russkoi duhovnoi kul'ture. V 2 t. T. 1* [Holiness and Saints in Russian Spiritual Culture. In 2 vols. Vol. 1]. Moscow: "Gnozis" — Shkola "Yazyki russkoi kul'tury".

Trubeckoi, N. S. (2017) *Nasledie Chingiskhana. Vzglyad na russkuyu istoriyu ne s Zapada, a s Vostoka* [The Legacy of Genghis Khan. A View of Russian History Not from the West, but from the East]. Moscow: "E".

Vyazemskii, P. A. (1880) "Svyataya Rus'" ["Holy Rus'"], in Vyazemskii, P. A. *Polnoe sobranie sochinenii knyazya P. A. Vyazemskogo v 12 t. T. 4* [Complete Works of Prince P. A. Vyazemsky in 12 vols. Vol. 4]. St. Petersburg: Izd. grafa S. D. Sheremeteva, pp. 311–315.

Zhukovskii, V. A. (1869) "Pis'mo k knyazyu P. A. Vyazemskomu ob ego stihotvorenii: Svyataya Rus'" ["Letter to Prince P. A. Vyazemsky about His Poem: Holy Rus'"], in Zhukovskii, V. A. *Sobranie sochinenii V. Zhukovskogo v 6 t. T. 6. 6-e izdanie* [Collected Works of V. Zhukovsky: in 6 vols. Vol. 6. 6th edition] St. Petersburg: Tipografiya imperatorskoi akademii nauk, pp. 687–702.

Информация об авторе: Ван Шуай — кандидат филологических наук, доцент факультета русского языка и литературы Института иностранных языков Пекинского университета. Адрес: Китай, 100871, Пекин, район Хайдянь, ул. Ихэюань № 5, Пекинский университет, Новое здание Института иностранных языков, 511.

Information about the author: Wang Shuai — Doctor of Literature, associate professor at the Department of Russian Language and Literature, School of Foreign Languages, Peking University. Address: 511, New Building of the School of Foreign Languages, Peking University, road Yiheyuan No 5, Haidian District, Beijing, China, 100871.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.12.2024;
одобрена после рецензирования 01.09.2025;
принята к публикации 10.09.2025.

The article was submitted 24.12.2024;
approved after reviewing 01.09.2025;
accepted for publication 10.09.2025.